

Научная статья

УДК 821.161.1 + 82.091

DOI 10.17223/18137083/84/7

Вещный мир в повести Л. Н. Толстого «Детство»

Ксения Вадимовна Абрамова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

a-ks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1341-6083>

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению вещного мира повести Л. Н. Толстого «Детство». Повествование от лица ребенка строится на огромном количестве упоминаемых предметов, которые наполняют и организуют художественное пространство и время произведения и создают особый мир ребенка. Мы останавливаемся на анализе вещей в повести, в том числе на одежде, обуви и предметах, которые созданы героями. Мы рассматриваем неоднозначность оценки и смыслового содержания вещей. Различные способы их прочтения и понимания приводят к тому, что они становятся движущей силой сюжета повести о взрослении, помогают создать ведущие образы и ввести важнейшие темы и мотивы, такие как противопоставление низменного и возвышенного, «взрослого» и детского», а также одну из основных тем – тему смерти матери.

Ключевые слова

повесть взросления, детство, вещный мир, Л. Н. Толстой, образ ребенка, вещь, пространство, «Детство»

Для цитирования

Абрамова К. В. Вещный мир в повести Л. Н. Толстого «Детство» // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 98–110. DOI 10.17223/18137083/84/7

The material world in the story “Detstvo” by L. N. Tolstoy

Ksenia V. Abramova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

a-ks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1341-6083>

Abstract

The paper is devoted to the consideration of the material world of the story “Detstvo” (“Childhood”) by L. N. Tolstoy. The narration on behalf of the child involves a huge number of objects, filling and organizing the artistic space and time of the work and creating a unique

© Абрамова К. В., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 98–110
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3, pp. 98–110

world of the child. The things appear in an unusual form, seen by a child from an unusual angle. The analysis focuses on the things in the story, including clothes, shoes, and objects created by the characters. The “making” of things is found to be their most important feature. Attention is paid to the ambiguity of the evaluation and meaning of things. They are described in such a way as to generate different ways of reading and understanding them. It is in this way that a profound understanding of the child’s world in the story of growing up becomes possible. The multiple meanings of objects, the possibility of using one thing named in the text to introduce the characteristics of different characters, and the connection and opposition of things in the text lead to these objects becoming the starting point for memories and reflections on childhood. They serve as the driving force of the story of growing up, helping to create the leading images and introduce the most important themes and motifs, such as the opposition between the lowly and the sublime, “adult” and “child,” as well as one of the main themes of the story “Detstvo,” i.e., the theme of the death of the mother.

Keywords

story of growing up, childhood, L. N. Tolstoy, image of a child, thing, space, “Childhood”

For citation

Abramova K. V. The material world in the story “Detstvo” by L. N. Tolstoy. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 98–110. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/84/7

Предметный, вещный мир – одна из важнейших составляющих художественного мира произведения, разнообразные предметы, появляющиеся в тексте наполняют и организуют пространство и время, в которых действуют герои. Несмотря на это, вещь в литературном произведении нечасто становится самостоятельным объектом научного интереса, хотя нужно отметить, что существуют работы, посвященные данной научной проблеме как в теоретическом плане, так и с точки зрения особенностей отражения вещного мира в произведениях отдельных писателей (см., например, соответствующий раздел в [Фарино, 2004], работы А. П. Чудакова [1992] и В. Н. Топорова [1995], Н. И. Романовой [2012], сборник [Концепт вещи..., 2012] и др. исследования).

Понятие вещи и взаимоотношения человека с нею – это еще и один из важнейших вопросов, которые традиционно рассматриваются философией. Не останавливаясь на этом подробно, упомянем лишь, что вещь рассматривается и с точки зрения ее «вещественности», материального значения, и в «идеальном» значении, а само художественное произведение тоже может восприниматься как «вещь» (см., например, [Ужаревич, 2012]). В литературном произведении вещи, конечно, предстают в качестве знаков, символов: «вещь перерастает свою “вещность” и начинает жить, действовать, “веществовать” в духовном пространстве» [Топоров, 1995, с. 21]. Здесь нужно сказать о том, что в литературоведении вещь рассматривается, как атрибут человека, героя, с помощью вещи раскрываются его важнейшие характеристики. По замечанию В. Е. Хализева, «один из лейтмотивов литературы XIX–XX вв. – вещь, сродная человеку, как бы сросшаяся с его жизнью, домом, повседневностью» [2005, с. 222]. Эта концепция перекликается со взглядом на вещь, выраженным М. Хайдеггером, который рассуждал о вещи через категорию близости: «Близко к нам то, что мы обычно называем вещами» [1993, с. 317]. В. Подорога отмечает, что близость – это необходимость существования вещи и основное ее определение, но «это близость не расположения, а делания. Вещь – то, что делается руками...» [2016, с. 31]. К этой мысли мы еще вернемся.

В повести «Детство» Л. Н. Толстой описывает особый мир – мир, представленный глазами ребенка, а значит, наделенный необычными, непривычными

свойствами, заполненный предметами, которые воспринимаются каким-либо отличным от общепринятого образом¹. Образ ребенка как специфического субъекта, который наделен особым поэтическим восприятием времени и пространства, играет важнейшую роль в модернистском² и авангардном искусстве, в литературе XX³ и начала XXI в. (можно вспомнить такие произведения, как «Котик Летаев» А. Белого, «Младенчество» Вяч. Иванова, «Детство Люверс» Б. Пастернака, «Другие берега» В. Набокова, «Шведские перчатки» Ю. Юркуна, «Катя китайская» Д. Пригова и мн. др.). Однако разнообразные формы повествования от лица ребенка, введение в текст точки зрения ребенка и, что еще важнее, игра на соотносительности «детского» и «взрослого» в видении тех или иных картины, предмета, вещи разрабатывались и в литературе XIX в. Целью нашей статьи является описание особенностей вещного мира и детского взгляда на него в русской повести о взрослении на примере их проявлений в повести Л. Н. Толстого «Детство».

Повествование от лица ребенка в «Детстве» Толстого строится на огромном количестве упоминаемых предметов, вещи при этом предстают в необычном виде, с необычного ракурса. С точки зрения Б. Эйхенбаума, возвращение к «самым простым элементам – к разработке деталей, к “мелочности”, к описанию и изображению людей и вещей» – одна из основных черт творчества молодого Толстого [Эйхенбаум, 1922, с. 58]⁴. Уже первая сцена, открывающая повесть, сосредотачивает наше внимание на мелких деталях:

12-го августа 18.., ровно в третий день после дня моего рождения, в который мне минуло 10 лет и в который я получил такие чудесные подарки,

¹ А. П. Чудаков отмечает, что прием «остранения», т. е. изображение предмета под необычным углом зрения, в «странном» восприятии, связан с раскрытием не только неожиданных сторон вещи, но и самого необычного сознания [1992, с. 33]. В данном случае мы рассматриваем сознание ребенка, отличное от обыденного сознания, и это отличие предстает именно в восприятии вещного мира. В. Подорога говорил о том, что вещь, без которой нет вещи и которая раскрывает саму ее суть, может существовать в сновидении, воспоминаниях детства, привычках, отношениях с другими, решающих «событиях» и трагических «историях» [2016, с. 21]. В этом перечне наше внимание привлекают, конечно, воспоминания о детстве, поскольку повествование в произведениях о взрослении строится именно как воспоминание о детстве, вещный мир существует в этом воспоминании.

² Н. Т. Рымарь рассматривает ряд стихотворений Рильке с точки зрения воплощения центральных в творчестве поэта концептов вещи и фигуры, и при анализе стихотворения «Детство» (“Kindheit”), главная тема которого – недоступность для взрослого человека интенсивности и глубины детского восприятия, исследователь отмечает, что «детские переживания и игры разворачиваются в стихотворении как превращение конкретных вещей во внутреннее, невидимое, в формы поэтической рефлексии» [Рымарь, 2022, с. 160–161]. См. также о проявлении образа детства на страницах журнала «Мир искусства»: [Абдуллина, 2022].

³ См., например: [Лекманов, 2023].

⁴ Отметим также цитату из дневника Л. Н. Толстого, которую приводит Б. Эйхенбаум: «Людам, которые смотрят на вещи с целью записывать, вещи представляются в превратном виде; я это на себе испытал» (цит. по: [Эйхенбаум, 1922, с. 58]). Нам интересно это высказывание Л. Н. Толстого, поскольку в нем подчеркивается возможность искажения взгляда на вещи, которое писатель испытал на себе сам. Описание деталей, описание вещей для Толстого, при всем его внимании к ним, не является целью, это лишь инструмент для самонаблюдения, а также для отображения результатов этого самонаблюдения. Таким образом, описание предметов и явлений с точки зрения детского сознания становится способом отражения этого сознания.

в семь часов утра Карл Иванович разбудил меня, ударив над самой моей головой хлопущей – из сахарной бумаги на палке – по мухе. Он сделал это так неловко, что задел образок моего ангела, висевший на дубовой спинке кровати, и что убитая муха упала мне прямо на голову. Я высунул нос из-под одеяла, остановил рукой образок, который продолжал качаться, скинул убитую муху на пол и хотя заспанными, но сердитыми глазами окинул Карла Ивановича. Он же, в пестром ваточном халате, подпоясанном поясом из той же материи, в красной вязаной ермолке с кисточкой и в мягких козловых сапогах, продолжал ходить около стен, прицеливаться и хлопать (Толстой, 1935, т. 1, с. 3).

Первыми же предметами, упоминаемыми в повести, становятся «чудесные подарки», которые получил Николенька в день рождения «три дня назад» и которые в дальнейшем никак не фигурируют в повествовании. Таким образом в тексте сразу задается установка на детский взгляд на мир, детское восприятие, в котором отправной точкой становится значимое для ребенка событие – день рождения и получение в связи с этим подарков⁵.

Описание же пространства в этом отрывке оказывается нетривиальным. Сначала появляется своеобразный крупный план: возникает муха, убитая с помощью хлопущей Карлом Ивановичем, и раскачивающийся вследствие этих действий образок. Обратим еще внимание на то, что герой, скорее всего, не может видеть всего описанного, поскольку он спит и «вытаскивает нос из-под одеяла» уже после осуществления этих действий. Описание картин и событий в повести то глазами мальчика, то глазами уже взрослого человека, вспоминающего о своем детстве, то от лица всезнающего рассказчика – отдельная тема, которой мы сейчас не будем касаться, лишь упомянем, что такая особенность присутствует в рассматриваемом тексте⁶. Мы же отметим, что в указанном отрывке появляется неожиданное соединение двух противоположностей: рядом в тексте оказываются муха, олицетворяющая низменное и греховное, и образок ангела, символ возвышенного, духовного. По замечанию Е. Фарина, значение предмета устанавливается при сопоставлении с другими предметами и явлениями, обладающими тем же или противоположным смыслом [2004, с. 279]. В строках, начинающих повесть «Детство», сталкиваются предметы, не только имеющие противоположный смысл, но и сближающиеся в том, что и муха, и ангел – существа, ассоциирующиеся со способностью летать. Соединение указанных образов, их контакт в самом начале произведения порождают одну из важнейших для Л. Н. Толстого тем – темы сосуществования в человеке высокого и низкого начал, борьбы доброго, положительного с низменным в человеческой натуре⁷. Кроме того, из этого сопоставления предметов возникает мир Николеньки Иртеньева, поскольку эти предметы (муха, образок и хлопущая, которая задевает и то, и другое) являются отправной точкой повествования, как будто запускают сюжет, и они же становят-

⁵ Любопытно, что в своих рассуждениях В. Подорога, ссылаясь на М. Мосса, приводит пример одного из важных аспектов правовой этимологии слова *res* – «вещь»: «Вероятно, наилучшая ее этимология – та, что сравнивает ее с санскритским словом *rah, ratin* – “дар”, “подарок”, “приятная вещь”. *Res* должна была быть прежде всего тем, что доставляет удовольствие кому-нибудь другому» (цит. по: [Подорога, 2016, с. 21]).

⁶ См., об этом, например: [Романова, 2008].

⁷ Об этом много писали в исследовательской литературе. См., например: [Мартынова, 2016].

ся причиной пробуждения героя, а заодно вызывают его досаду, которая затем приводит к размышлениям об учителе, Карле Иваныче. Внутренний монолог, в котором выражаются первые чувства к нему, заканчивается перечислением уже других предметов, связанных с образом Карла Иваныча: «И халат, и шапочка, и кисточка – какие противные!»⁸.

К ним мы еще вернемся, прежде же скажем, что из первоначальной сцены постепенно вырастает всё пространство, оно расширяется, обретает свои очертания: появляется описание комнаты, других деталей, пробуждения и распорядка дня главного героя и его брата. Но выделяется среди этого в первую очередь описание предметов и книг, связанных с учителем (напомним, что первая глава называется «Учитель Карл Иваныч»):

В числе предметов, лежавших на полочке Карла Иваныча, был один, который больше всего мне его напоминает. Это – кружок из картона, вставленный в деревянную ножку, в которой кружок этот подвигался посредством шпенок. На кружке была наклеена картинка, представляющая карикатуры какой-то барыни и парикмахера. Карл Иваныч очень хорошо клеил и кружок этот сам изобрел и сделал для того, чтобы защищать свои слабые глаза от яркого света.

Как теперь вижу я перед собой длинную фигуру в ваточном халате и в красной шапочке, из-под которой виднеются редкие седые волосы. Он сидит подле столика, на котором стоит кружок с парикмахером, бросившим тень на его лицо; в одной руке он держит книгу, другая покоится на ручке кресел; подле него лежат часы с нарисованным егерем на циферблате, клетчатый платок, черная круглая табакерка, зеленый футляр для очков, щипцы на лоточке. Всё это так чинно, аккуратно лежит на своем месте, что по одному этому порядку можно заключить, что у Карла Иваныча совесть чиста и душа покойна (Толстой, 1935, т. 1, с. 5–6).

Описание разнообразных мелочей, таких как упомянутый здесь кружок из картона, сделанный самим учителем, вещи, которые принадлежат ему, как и появляющееся несколько раз в небольшой главке описание утреннего одевания Карла Иваныча – халата и шапочки с кисточкой, несомненно, служат для создания образа учителя. Предметы, которые расположены близко к человеку, как, например, те, которыми владеет человек, и тем более предметы, которые создает человек, как упомянутый кружок из картона, становятся своеобразным продолжением личности. «Вещь, – как пишет В. Н. Топоров, – творение, элемент тварного мира, и как таковая она не может не нести отпечаток своего творца – человека» [1995, с. 28]. О важности темы сотворения, создания в определении вещи мы упоминали в начале нашей работы, кроме того, можно отметить, что для Л. Н. Толстого во-

⁸ В «Отрочестве» перед воспроизведением истории жизни Карла Иваныча упоминается то же самое его одевание: «Поздно вечером накануне того дня, в который Карл Иваныч должен был навсегда уехать от нас, он стоял в своем ваточном халате и красной шапочке подле кровати и, нагнувшись над чемоданом, тщательно укладывал в него свои вещи» (Толстой, 1935, т. 2, с. 24). Можно привести здесь рассуждения В. А. Конева о «социальном теле» человека, которое возникает тогда, когда человек, «работая со своим физическим телом, дополняет и окружает его различными аксессуарами. И первым “органом” социального тела становится одежда...» [2010, с. 34–35]. Одевание Карла Иваныча становится его неотъемлемой частью, его основной характеристикой в повестях Толстого.

обще характерен «“ремесленный” подход к вещам» (см. об этом: [Гюнтер, 2012, с. 158]⁹).

В повести Толстого взрослые, описываемые с точки зрения Николеньки, часто окружены принадлежащими им предметами, которые представлены подробно, детально. В этой детальности проявляется специфика описаний вещного мира у Л. Н. Толстого, которая, по замечанию А. П. Чудакова, предполагает наличие «некоей собственной, нетривиальной, индивидуально-авторской точки зрения на изображаемое» [Чудаков, 1992, с. 137]. Но в то же время такая подробность в изображении предметов создает мир ребенка, наполненный подробностями, которые недоступны или безразличны взрослому взгляду. Приведем здесь еще один небольшой пример: Наталья Савишна, еще один важный для Николеньки персонаж, очень тесно связана с предметным миром – она заведует всем бельем и провизией в доме, и отдельно сообщается, что «в сундуках, которыми была наполнена ее комната, было решительно всё. <...> В сундуках этих были тысячи таких предметов, о которых никто в доме, кроме ее, не знал и не заботился» (Толстой, 1935, т. 1, с. 38). Приводится также описание одного, по всей видимости, личного сундука Натальи Савишны, на крышке которого «были наклеены крашеное изображение какого-то гусара, картинка с помадной баночки и рисунок Володи» (Толстой, 1935, т. 1, с. 37).

На наш взгляд, в описании разнообразных предметов, как будто существующих в воспоминаниях героя, проявляется характеристика не только тех людей, с которыми связаны эти разнообразные вещи. Здесь мы можем опираться на следующие рассуждения В. Н. Топорова: «Вещь обращена к нам своими “полезными” функциями (своим назначением) и своими признаками – материалом, фактурой, формой, цветом, своей геометрией – составностью, расчлененностью, композицией, своими температурой, запахами, звуками и т. п. Воспринимается лишь то, что может быть принято человеком в силу возможностей его восприятия. Поэтому в признаках вещи-объекта человек в известной степени, как в затуманенном зеркале, узнает и самого себя, субъекта восприятия признаков вещи» [Топоров, 1995, с. 28–29]. И те же самые предметы и вещи, а особенно их описания как отражение их восприятия ребенком¹⁰, служат для создания образа воспринимающего субъекта – главного героя повести Николеньки Иртеньева. Именно его внимание останавливается на этих предметах, именно его глазами читатель видит их, поэтому в описании предметов отражается его, детский, взгляд на мир. Возможно, поэтому мы замечаем большое количество картинок, таких как на кружочке, изготовленном Карлом Иванычем, или на сундуке Натальи Савишны, появляющихся в описаниях.

О самом главном герое повести мы практически ничего не узнаём в первой главе, на которой мы сосредоточили внимание в нашем исследовании. Единственная предметная деталь, связанная непосредственно с Николенькой, которая здесь упоминается, – это его обувь: «Вошел дядька Николай... Он нес наше платье

⁹ Исследователь в связи с этим упоминает также известный факт из биографии писателя, который сам изготавливал обувь [Гюнтер, 2012, с. 158].

¹⁰ Й. Ужаревич упоминает, что детское сознание – одно из состояний, в котором «вещи и слова тесно переплетаются или даже считаются тождественными» [2012, с. 15]. См. также: [Лосев, 2008].

и обувь: Володе сапоги, а мне покуда еще несносные башмаки с бантиками»¹¹. Подчеркивается положение Николеньки как младшего. Володя старше, что упоминается в самом начале, когда герой возмущен, что учитель убивает мух над его кроватью, и поэтому получает то, что пока недоступно для главного героя (а далее в главе «Охота» Володя получает в свое распоряжение охотничью лошадь, вызывающую восхищение и некоторую зависть у Николеньки). Кроме того, упоминание этих ботинок с бантами как будто предвещает эпизод в главе «До мазурки», где Николенька бросается разыскивать перчатки (заметим, что импульсом служит замечание о танцах брата Володи, у которого при этом есть новая пара лайковых перчаток):

Но хотя я перерыл все комоды, я нашел только в одном – наши дорожные зеленые рукавицы, а в другом – одну лайковую перчатку, которая никак не могла годиться мне: во-первых, потому, что была чрезвычайно стара и грязна, во-вторых, потому, что была для меня слишком велика, а главное потому, что на ней недоставало среднего пальца, отрезанного, должно быть, еще очень давно Карлом Ивановичем для больной руки. Я надел, однако, на руку этот остаток перчатки и пристально рассматривал то место среднего пальца, которое всегда было замазано чернилами (Толстой, 1935, т. 1, с. 67).

Во время поисков герой восклицает: «Вот если бы здесь была Наталья Савишна: у нее, верно бы, нашлись и перчатки» (Толстой, 1935, т. 1, с. 67), что опять подчеркивает тесную связь этой героини с вещным миром. Неподобающий вид перчатки, надетой Николенькой, приводит к тому, что он становится предметом насмешек, и в этом также проявляется противопоставление мира ребенка и мира взрослого, частью которого являются правила приличия и требования общества, в том числе и к внешнему виду и одежде, а Николенька, с детской непосредственностью надевший такую странную перчатку и забывший об этом, очень старается соответствовать этим общественным нормам, но попадает в неловкое положение.

В описании перчатки есть деталь, которая связывает этот предмет с Карлом Ивановичем: именно он прикладывает к старой перчатке свое созидательное усилие – отрезает палец для своих нужд, т. е. один и тот же предмет оказывается связанным с несколькими героями: с Николенькой, Натальей Савишной, Карлом Ивановичем. Вещь как будто передает авторскую оценку героя, к которому она относится в первую очередь (в данном случае Николеньки), но и обладает другими внутренними свойствами, которые ведут за собой ее развертывание, раскрытие в других смыслах¹².

¹¹ Теме одежды, о которой мы уже упоминали, отводится важное место в художественном мире Л. Н. Толстого, но пример значимости мотива обуви, в частности сапог, см. в работе [Гюнтер, 2012, с. 161].

¹² Здесь мы не можем не согласиться с А. П. Чудаковым, который писал: «Мир Толстого авторски явлен. Но одновременно – с другой точки зрения – он и самоявлен. Только оба утверждения вместе способны дать картину, рисующую определяющие свойства его художественной системы, одной из самых оригинальных в мировой литературе» [Чудаков, 1992, с. 144–145]. Н. Е. Разумова также подчеркивает, что «Толстой вступает в литературу с принципиальным отказом от однозначности суждений и мнимой простоты критериев, которая грозила бы свернуть это движение во имя утверждения некоего бесспорного идеала» [Разумова, 2010, с. 32]. Таким образом, и вещи, и герои в художественном мире повести «Детства» Л. Н. Толстого не получают одной-единственной оценки, а, наоборот, описы-

Если вернуться к образу Карла Ивановича, то его характеристика в повести дополняется описанием ситуации, когда учитель, в услугах которого перестают нуждаться, просит возмещения его расходов на подарки детям¹³, и в тексте появляется воспроизведение записки, которую он подал отцу Николеньки:

Вот содержание этой записки:

«Для детей два удочка – 70 копек.

Цветной бумага, золотой коемочка, клестир и болван для коробочка, в подарках – 6 р. 55 к.

Книга и лук, подарка детям – 8 р. 16 к.

Панталон Николаю – 4 рубли.

Обещаны Петром Александрович из Москву в 18... году золотые часы в 140 рублей.

Итого следует получить Карлу Мауеру, кроме жалованию – 159 рублей 79 копек» (Толстой, 1935, т. 1, с. 32).

Этот список вещей представляется в виде юмористической характеристики учителя Карла Ивановича: напомним, что, расчувствовавшись, герой говорит, что готов служить без жалования, чтобы не расставаться с детьми, и одновременно подает указанный перечень отцу Николеньки, даже сам рассказчик подчеркивает это: «...но каким образом согласовался счет с его словами, остается для меня тайной». Такому восприятию способствует и воспроизведение в записке особенностей использования русского языка учителем-немцем¹⁴. Но в то же время этот отрывок становится пусть и небольшим, но своеобразным литературным каталогом, в котором «перечислительность мутирует в занимательный нарратив, документальность приобретает черты виртуальности и вымысла, горизонталь вертикализуется, а чистая информативность текстуализируется, так что деловая идентификация лиц и предметов оборачивается коллекцией экзотических наименований» [Жолковский, 2014, с. 592–593]. Та же самая специфика в наименовании перечисленных Карлом Ивановичем предметов создает восприятие их действительно в качестве экзотических предметов и заставляет читателя мысленно достраивать неизвестные ему обстоятельства, при которых возникли такие расходы учителя, а также напоминает о тех неназванных подарках, с которых начинается повесть.

Заметим еще, что в работе «Il catalogo e questo...» А. К. Жолковский приводит пример другого перечня подарков, который появляется также в тексте о детстве – в повести «Детство Никиты» А. Н. Толстого [Жолковский, 2014, с. 641–642]. Возможно, подобные каталоги и воспроизведение списков подаренных предметов как

ны так, чтобы они порождали способы их прочтения и понимания, и именно в этом становится возможным достижение глубины понимания мира ребенка в повести о взрослении.

¹³ Отметим здесь перекличку с неназванными в начале повести подарками Николеньки. Кроме того, можно вспомнить еще один подарок, который Карл Иваныч сделает своими руками – коробочка, которую он преподносит бабушке Николеньки. Другими словами, тема подарков, как и вещей, изготовленных самостоятельно (напомним, что Николенька и Володя тоже дарят самодельные подарки – рисунок и стихи), появляется в повести не один раз.

¹⁴ О внимании Л. Н. Толстого к языку, в том числе и иностранному, и о влиянии особенностей его использования, лексики и синтаксиса на создание образов в его произведениях см.: [Виноградов, 1939].

особого вида предметного каталога характерны для повести взросления, но данное утверждение требует подтверждения, а этот мотив – дальнейшего изучения.

Если вернуться к описанию пространства в первой главе повести, то нужно сказать, что к концу главы границы мира расширяются, появляется описание не только комнаты, но и внешнего мира:

Последняя стена была занята тремя окошками. Вот какой был вид из них: прямо под окнами дорога, на которой каждая выбоина, каждый камешек, каждая колея давно знакомы и милы мне; за дорогой – стриженная липовая аллея, из-за которой кое-где виднеется плетеный часток; через аллею виден луг, с одной стороны которого гумно, а напротив лес; далеко в лесу видна избушка сторожа (Толстой, 1935, т. 1, с. 7).

Мы видим, как в первой главе повести пространство, сначала сосредоточенное в одной точке, в мухе, которая становится причиной пробуждения героя, постепенно расширяется и в конце концов становится практически безграничным. Но мир домашний противопоставлен миру внешнему – повествование сразу же возвращается к «близкому» кругу, и появляется упоминание одного из центральных образов в повести – матери героя: «Бывало, покуда поправляет Карл Иванович лист с диктовкой, выглянешь в ту сторону, видишь черную головку матушки, чью-нибудь спину и смутно слышишь оттуда говор и смех» (Толстой, 1935, т. 1, с. 7).

Здесь нужно сказать, что в отличие от других взрослых персонажей мать остается практически безликой, ее описание крайне размыто, даже предметы, которые ее окружают, описаны крайне скудно, в главе «Разлука» подчеркивается: «Странно то, что я как теперь вижу все лица дворовых и мог бы нарисовать их со всеми мельчайшими подробностями; но лицо и положение татап решительно ускользают из моего воображения» (Толстой, 1935, т. 1, с. 41).

На наш взгляд, это первое упоминание матери, в котором называется ее «черная головка», виднеющаяся вдалеке, как будто отсылает к той мухе, которая появляется в начале повести. И это, как нам кажется, не случайно, поскольку образ матери как бы вписывается в мир тех вещей, которые окружают Николеньку Иртеньева и становятся отправной точкой для проявления героем чувств и сентиментальных рассуждений рассказчика¹⁵. И такая перекличка головки матери с образом мухи в первой главе повести как будто предвосхищает будущую ее гибель, о которой также уже в этой главе говорится прямо – Николенька для оправдания своих слез сочиняет, что видел плохой сон о смерти и похоронах матери¹⁶.

Таким образом, мы проанализировали отдельные эпизоды повести Толстого «Детство», остановились подробно лишь на одной, первой, главе, но на ее примере постарались показать, что произведение Л. Н. Толстого о взрослении заполнено огромным количеством вещей, которые, с одной стороны, организуют про-

¹⁵ О влиянии на стиль и язык Л. Н. Толстого в повестях «Детство», «Отрочество», «Юность» произведений Л. Стерна, Ж.-Ж. Руссо, Ч. Диккенса также написано немало, приведем лишь основные исследования, которые рассматривают этот аспект произведений о детстве и взрослении Л. Н. Толстого: [Апостолов, 1924; Попов, 1939; Атарова, 1974].

¹⁶ О выдуманных героем снах, из-за чего можно сказать, что персонаж присваивает себе роль автора, см.: [Жолковский, 2014, с. 504]. Этот фактор тоже играет свою роль в той нераздельности-неслиянности автора и героя в повести Л. Н. Толстого, о которой мы упоминали выше.

странство, в котором действует герой-ребенок, и поэтому они показаны его глазами, а с другой стороны, эти предметы являются отправной точкой для воспоминаний и рассуждений о детстве, становятся движущей силой сюжета повести о взрослении, помогают создать ведущие образы и ввести важнейшие темы и мотивы, такие как противопоставление низменного и возвышенного, «взрослого» и «детского», а также одну из основных тем повести «Детство» – тему смерти матери.

Список литературы

- Абдуллина Д. А.* Детский мир на страницах журнала «Мир искусства» (1898–1904) // *Academia*. 2022. № 1. С. 106–120.
- Апостолов Н. Н.* Толстой и Диккенс // Толстой и о Толстом: Новые материалы / Толстовский музей. М., 1924. С. 104–123.
- Атарова К. Н.* Лев Толстой и Лоренс Стерн // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. М.: Изд-во АН СССР, 1974. Т. 33, вып. 6. С. 508–515.
- Виноградов В.* О языке Толстого: (50–60-е годы) // Л. Н. Толстой / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). М.: Изд-во АН СССР, 1939. Кн. 1. С. 117–220.
- Гюнтер Х.* Полезные, лишние и ложные вещи. Ж.-Ж. Руссо и концепция вещи у Л. Н. Толстого // Концепт вещи в славянских культурах. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2012. С. 157–166.
- Жолковский А. К.* Поэтика за чайным столом и другие разборы. М.: НЛЮ, 2014. 824 с.
- Конев В. А.* Тела человека // *Mixtura verborum'* 2010: тело и слово. Философский ежегодник / Под общ. ред. С. А. Лишаева. Самара: СГА, 2010. С. 33–41.
- Концепт вещи в славянских культурах. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2012. 385 с.
- Лекманов О.* Мир глазами ребенка в рассказах русских писателей второй половины XX века // *Знамя*. 2023. № 7. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=8722> (дата обращения 07.07.2023).
- Лосев А. Ф.* Вещь и имя; Самое само / Подгот. текста и общ. ред. А. А. Тахо-Годи и В. П. Троицкого; вступ. ст. А. Л. Доброхотова; коммент. С. В. Яковлева. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. 573 с.
- Мартынова А. А.* Специфика хронотопа в повести «Детство» Л. Н. Толстого // Вестник непрерывного образования. 2016. № 1. С. 26–34.
- Подорога В.* Вопрос о вещи. Опыты по аналитической антропологии. М.: Изд-во Грюндриссе, 2016. 348 с.
- Попов П.* Стиль ранних повестей Толстого: («Детство» и «Отрочество») // Литературное наследство. 1939. Т. 35. С. 78–116.
- Разумова Н. Е.* Добрый Карл Иванович // Яснополянский сборник 2010: Статьи, материалы, публикации. Тула: Ясная Поляна, 2010. С. 28–35.
- Романова Н. И.* Маленький и взрослый Иртеньев в повести Л. Н. Толстого «Детство» // *Русская речь*. 2008. № 1. С. 19–22.
- Романова Н. И.* Мир вещей в художественно-автобиографических повестях о детстве середины XIX века // Яснополянский сборник 2012. Тула: Ясная Поляна, 2012. С. 12–19.
- Рымарь Н. Т.* О творческих истоках рильковских концептов «вещь» и «фигура» // *Культура и текст*. 2022. № 1 (48). С. 152–165.

Топоров В. Н. Вещь в антропологической перспективе (Апология Плюшкина) // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс – Культура, 1995. С. 7–111.

Ужаревич Й. Порождение вещи // Концепт вещи в славянских культурах. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2012. С. 8–20.

Фарино Е. Введение в литературоведение. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 639 с.

Хайдеггер М. Вещь // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 316–326.

Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высш. шк., 2005. 405 с.

Чудаков А. Слово – вещь – мир. От Пушкина до Толстого. М.: Современный писатель, 1992. 320 с.

Эйхенбаум Б. Молодой Толстой. Петербург; Берлин: Изд-во З. И. Гржебина, 1922. 156 с.

Список источников

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Серия первая «Произведения». М.: Худож. лит., 1935. Т. 1: Детство. Юношеские опыты. 355 с.; Т. 2: Отрочество. Юность. 417 с.

References

Abdullina D. A. Detskiy mir na stranitsakh zhurnala “Mir iskusstva” (1898–1904) [Children’s world on the pages of the magazine “World of Art” (1898–1904)]. *Academia*. 2022, no. 1, pp. 106–120.

Apostolov N. N. Tolstoy i Dikens [Tolstoy and Dickens]. In: *Tolstoy i o Tolstom: Novye materialy. Tolstovskiy muzey* [Tolstoy and about Tolstoy: New materials. Tolstoy Museum]. Moscow, 1924, pp. 104–123.

Atarova K. N. Lev Tolstoy i Lorens Stern [Leo Tolstoy and Lawrence Stern]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*. Moscow, AN SSSR, 1974, vol. 33, iss. 6, pp. 508–515.

Chudakov A. *Slovo – veshch’ – mir. Ot Pushkina do Tolstogo* [The word – the thing – the world. From Pushkin to Tolstoy]. Moscow, *Sovremennyy pisatel’*, 1992, 320 p.

Eykhenbaum B. *Molodoy Tolstoy* [Young Tolstoy]. Peterburg, Berlin, Izd. Z. I. Grzhebina, 1922, 156 p.

Farino E. *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to Literary Studies]. St. Petersburg, RSPU im. A. I. Gertsena, 2004, 639 p.

Gyunter Kh. Poleznye, lishnie i lozhnye veshchi. Zh.-Zh. Russo i kontsepsiya veshchi u L. N. Tolstogo [Useful, superfluous and false things. J.-J. Rousseau and L. N. Tolstoy]. In: *Kontsept veshchi v slavyanskikh kul’turakh* [The concept of a thing in Slavic cultures]. Moscow, 2012, pp. 157–166.

Heidegger M. Veshch’ [Thing]. In: Heidegger M. *Vremya i bytie: Stat’i i vystupleniya* [Time and being: Articles and speeches]. Moscow, Respublika, 1993, pp. 316–326.

Khalizev V. E. *Teoriya literatury* [Literary theory]. Moscow, Vyssh. shk., 2005, 405 p.

Konev V. A. Tela cheloveka [Human bodies]. In: *Mixtura verborum’ 2010: telo i slovo. Filosofskiy ezhegodnik* [Mixtura verborum’ 2010: body and word. Philosophical Yearbook]. S. A. Lishaev (Ed.). Samara, SSA, 2010, pp. 33–41.

Kontsept veshchi v slavyanskikh kul’turakh [The concept of a thing in Slavic cultures]. Moscow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2012, 385 p.

Lekmanov O. Mir glazami rebenka v rasskazakh russkikh pisateley vtoroy poloviny 20 veka [The world through the eyes of a child in the stories of Russian writers of the second half of the 20th century]. *Znamya*. 2023, no. 7. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=8722> (accessed 07.07.2023).

Losev A. F. *Veshch' i imya; Samoe samo* [The thing and the name; The most itself]. A. A. Takho-Godi and V. P. Troitsky (Text prep. and ed.), A. L. Dobrokhotov (Intr. art.); S. V. Yakovlev (Comment.). St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ. House, 2008, 573 p.

Martynova A. A. Spetsifika khronotopa v povesti "Detstvo" L. N. Tolstogo [The specificity of the chronotope in the story "Childhood" by L. N. Tolstoy]. *Vestnik nepreryvnogo obrazovaniya*. 2016, no. 1, pp. 26–34.

Podoroga V. *Vopros o veshchi. Opyty po analiticheskoy antropologii* [Question about a thing. Essay in Analytical Anthropology]. Moscow, Izd. Gryundrisse, 2016, 348 p.

Popov P. Stil' rannikh povestey Tolstogo: ("Detstvo" i "Otrochestvo") [The style of Tolstoy's early stories: ("Childhood" and "Adolescence")]. *Literaturnoe nasledstvo*. 1939, vol. 35, pp. 78–116.

Razumova N. E. Dobryy Karl Ivanych [Good Karl Ivanovich]. In: *Yasnopolyanskiy sbornik 2010: Stat'i, materialy, publikatsii* [Yasnaya Polyana collection 2010: Articles, materials, publications]. Tula, Yasnaya Polyana, 2010, pp. 28–35.

Romanova N. I. Malen'kiy i vzroslyy Irten'ev v povesti L. N. Tolstogo "Detstvo" [Small and adult Irteniev in L. N. Tolstoy "Childhood"]. *Russkaya rech'*. 2008, no. 1, pp. 19–22.

Romanova N. I. Mir veshchey v khudozhestvenno-avtobiograficheskikh povestyakh o detstve serediny 19 veka [The world of things in artistic and autobiographical stories about childhood in the middle of the 19th century]. In: *Yasnopolyanskiy sbornik. 2012* [Yasnaya Polyana collection. 2012]. Tula, Yasnaya Polyana, 2012, pp. 12–19.

Rymar' N. T. O tvorcheskikh istokakh ril'kovskikh kontseptov "veshch'" i "figura" [On the creative origins of Rilke's concepts "thing" and "figure"]. *Culture and text*. 2022, no. 1 (48), pp. 152–165.

Toporov V. N. Veshch' v antropologicheskoy perspektive (Apologiya Plyushkina) [The Thing in Anthropological Perspective (Plyushkin's Apology)]. In: Toporov V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe* [Mif. Ritual. Symbol. Image. Studies in the field of mythopoetic: Selected works]. Moscow, Progress – Kul'tura, 1995, pp. 7–111.

Uzharevich Y. Porozhdenie veshchi [Creation of a thing]. In: *Kontsept veshchi v slavyanskikh kul'turakh* [The concept of a thing in Slavic cultures]. Moscow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2012, pp. 8–20.

Vinogradov V. O yazyke Tolstogo: (50–60-e gody) [About the language of Tolstoy: (50–60s)]. In: *L. N. Tolstoy* [L. N. Tolstoy]. Moscow, 1939, bk. 1, pp. 117–220.

Zholkovskiy A. K. *Poetika za chaynym stolom i drugie razbory* [Poetics at the tea table and other analyzes]. Moscow, NLO, 2014, 824 p.

List of sources

Tolstoy L. N. *Poln. sobr. soch. Seriya pervaya "Proizvedeniya"* [Complete collection of works. Series one "Works"]. Moscow, Khudozh. lit., 1935, vol. 1: Detstvo. Yunosheskie opyty [Childhood. Youthful Experiments]. 355 p.; vol. 2: Otrochestvo. Yunost' [Adolescence. Youth]. 417 p.

Информация об авторе

Ксения Вадимовна Абрамова, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)
Scopus Author ID 57767830500
WoS Researcher ID K-6526-2017

Information about author

Ksenia V. Abramova, Candidate of Philology, Researcher at the Department of Literary Studies, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
Scopus Author ID 57767830500
WoS Researcher ID K-6526-2017

*Статья поступила в редакцию 30.06.2023;
одобрена после рецензирования 18.07.2023; принята к публикации 18.07.2023
The article was submitted on 30.06.2023;
approved after reviewing on 18.07.2023; accepted for publication on 18.07.2023*